

Геннадий Деринг

Судия

12+

Геннадий Деринг

Судия

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Деринг Г. Е.

Судия / Г. Е. Деринг — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Современному человеку несвойственно каяться за свои проступки ни перед Богом, ни перед людьми, которые для удержания в рамках человеческих страстей, изобрели и усовершенствовали Закон. Понятно, почему: покаяние разоружает «разумных двуногих» в их постоянной и бескомпромиссной борьбе за жизненные успехи, за своё человеческое достоинство – блага, которые ценятся сегодня всеми всего дороже. В рассказе описан случай, когда существо неразумное и бессловесное, беззащитное перед человеком, его хозяином и повелителем, заставляет страдать человека разумного и все сильного, признавать перед животным свою фактически невольную вину.

© Деринг Г. Е., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Был я на юбилее одного солидного человека, юриста по профессии. Многие из нас, собравшихся на юбилей, были ему обязаны, многих он выручал когда умным советом, а когда и прямой защитой в судах. Сейчас ведь такое время: только ленивый не судится. Матушка собственность вынуждает. И зашёл между гостями довольно странный разговор. Ну, сначала-то он странным не был. Хозяин – известный адвокат, о чём ещё и говорить его друзьям, как не о преступлении и наказании? Как люди мы все культурные, вспомнили Достоевского. О том, как Раскольников совесть замучила. Петлял он петлял перед следователем Порфирием Петровичем и совсем уж было выскочил из всех петель. Но тут его, как известно, совесть заела.

Возник вопрос: сегодня такой совестливый, «достоевский» преступник возможен? Все хором мы закричали: безусловно, нет! Он и во времена прошлые был, конечно, исключением, если был вообще. Фантазия Фёдора Михайловича! Что уж говорить о временах последних. Хозяин подтвердил, что он не встречал ни раскаивающихся миллионеров, ни обременённых совестью политиков и администраторов, ни просто стыдливых рядовых граждан. Страх – дело другое. Закона все боятся, за исключением самой верхушки общества. Страх, и ничего больше. Поэтому, подчеркнул хозяин, вы не услышите в процессах на вопрос судьи: «Признаёте ли вы свою вину?» ничего, кроме: «Вины категорически не признаю!» Сделки со следствием изредка случаются. Но ведь это сделка, расчёт, отнюдь не раскаяние.

Опять же, перед кем каяться? По-старому, должны быть страх и стыд перед богом и людьми. Есть божеские заповеди, есть общество с его лицемерием и есть уголовный кодекс. Церковь твердит о возмездии грешникам на небесах, закон расставляет частоколы статей на земле. Современный человек не ходит на исповедь ни к батюшке, ни к прокурору. Он не чувствует себя грешником, да и полно! И вот тут беседа наша приняла вдруг совершенно фантастический характер.

– А может ли мерителем человеческих поступков выступать... животное, а человек – признавать вину и мучиться ей? – спросил, посмеиваясь, адвокат. – Другими словами: может ли в делах человеческих бессловесное и неразумное оказываться высшим судией?

Мы, конечно, удивились такой постановке вопроса. Никто не помнил случая, чтобы человек вину перед скотом. Ведь homo – царь природы! А скот, он и по Библиям скот. На что уж строги церковные регламенты (семь грехов смертных да два десятка грехов для исповеди), и те не предусматривают покаяния человека перед животным.

– В молодости я работал юрисконсультom в пригородном конном заводе. И там я знал одного уважаемого человека, орденoносца, вполне, кстати, нормального, адекватного, который искренно, притом на протяжении многих лет, мучился совестью не перед людьми и не перед богом (он был убеждённым атеистом и членом партии). Он отвечал своей совестью перед... животным.

Мы приготовились слушать...

...жизнью трёх длинных кирпичных конюшен – отделением конного завода – управляет тренер Иван Степанович Елыгин. Он в годах, среднего роста, лоб и скулы его в мелких оспинках, черты лица сухие, глаза смотрят остро, на губах постоянно лёгкая усмешка. Он хромает на левую ногу. Ранило его на войне, ранило, как он считает, удачно. Его постоянно выпрямленная нога как бы специально приспособлена для качалки, она надёжно упирается в подножку.

Каждое утро Елыгин выходит на беговую дорожку заводского ипподрома и, пропуская мимо качалку за качалкой, внимательно присматривается к наездникам и лошадям.

...Сегодня ночью опять был дождь, дорожка набрякла, грязь летит из-под копыт лошадей, велосипедные шины качалок проминают борозды в дерновом покрытии. Рысаки приветствуют Елыгина ржанием, наездники поднимают кепки.

С круга Елыгин направляется в конюшню, где шаркают мётлы, где у стен расставлены ведра с намытой морковью, а по стенам развешаны картинки по технике безопасности, изображающие взбесившихся лошадей и окровавленные подковы.

Недалеко от входа, посреди коридора, на развязке, на цепях стоит серый жеребец Лаз. Его готовят для работы, для Елыгина.

– Ну-ка держи, брат... – Елыгин протягивает на ладони сахар. – Будешь, нет?

Серый Лаз быстро подбирает сахар, но Елыгин не сразу отнимает руку от его тёплых губ.

– Что задумался, Иван Степанович? – окликает конюх.

Елыгин сдвигает брови.

– Был у меня жеребёнок, – говорит он медленно. – Знаешь, как он брал сахар?

Конюх сочувственно вздыхает, он знает, о ком идёт речь.

– Не услышишь, – продолжает Елыгин, – а каждую крошечку соберёт. Между пальцев проверит...

Сегодня опять он будет думать о Микроскопе...

Лаза собирают долго. Сначала конюх особым крючком очищает ему копыта, обмывает ноги водой, потом оборачивает их чёрным сукном, бинтует. Забинтовав, надевает Лаза на передние ноги кабуры, на задние – ногавки. Сзади к Лаза подводят качалку, запрягают, затягивая бесчисленные ремни.

Елыгин боком садится в качалку, устраивает вначале раненую ногу, потом разбирает вожжи.

Сброшен недоуздок, со стуком упали цепи развязки и, приняв лёгкое пошевеливание вожжей, Лаз устремляется в раскрытые ворота.

Лаз широк в кости, плотен, с длинным станом и лебединой шеей, настоящий орловец.

Два круга тротом, два круга махом... Голова Лаза застывает, в глазах удивление, ноги чётко отбивают такт рыси. На удилах закипает пена. Елыгин прищурился. Слегка наклонившись в сторону, он пристально следит за поведением Лаза. Обычно широкие, привольные движения лошади сегодня несколько стеснены.

– На левую жалуешься? – спрашивает Елыгин и тут же отвечает на свой вопрос: – Нет, на левую падаешь, правую освобождаешь. Значит, что-то с правой...

Сегодня Елыгин будет долго искать больное место в плече Лаза, пока Лаз не вздрогнет, а пальцы не различат крошечное плотное пятнышко, место, где сохнет мышца.

Руки наездника! Их можно сравнить с руками музыканта. И для наездника необходима особая гибкость в плече, локте и кисти, чтобы в заездах управлять лошастью мизинцами. Легчайшее, неуловимое движение этих мизинцев, и лошадь делает мощный рывок или сбрасывает пейс. Пальцы наездника, скользнув по храпу коня, мгновенно успокоят его, найдут вот это больное пятнышко, которое порой не в силах обнаружить врачи.

Два круга тротом, два круга махом... Километров пятнадцать пройдёт Лаз в утреннюю работу. Из-под копыт брызги, из-под колёс качалки – вода. Хвост Лаза заплетён в короткую толстую косу. Круп его прикрыт большим грубым фартуком. Елыгин в непробиваемом глухом комбинезоне. Грязь летит на робу и постепенно, круг за кругом, покрывает её сплошь. И так изо дня в день, из года в год...

Шесть лет назад Кулыгин выводил по утрам на дорожку другого жеребёнка, Микроскопа.

Беговая карьера Микроскопа была коротка на редкость. В одно лето он, никому не известный, стал первым орловцем, в двухлетнем возрасте перешагнувшим рубеж две минуты семнадцать секунд. Так быстро ещё никто не пробегал круг ипподрома – тысячу шестьсот метров!

Но миновало скоропалительное, хмельное, победное лето и Микроскоп навсегда исчез с ипподромных горизонтов. Дважды побив рекорд, показав замечательное время, он был продан в Ирбит со скромным аттестатом улучшателя массового коневодства.

Его результат не превзойдён до сих пор, имя его навсегда осталось в таблице рекордов. Ещё и теперь случается увидеть отблеск его короткой истории в каком-нибудь учёном споре на страницах специального журнала. Одни утверждают, что рекордисты всех времён имели серую масть, другие выдвигают контрдовод: Микроскоп был вороним...

...Чмокает набрякшая дорожка под копытами серого Лаза, летит навстречу тяжёлый сырой ветер, неспешны мысли Елыгина. Перебирает он день за днём ту осень, хмурится, улыбается, и, как к обрыву, прихотливая мысль воспоминаний приводит его к последнему, рекордному заезду, к последним секундам. В них, в этих последних секундах рекордного заезда, и заключён вопрос, мучающий Елыгина долгие годы.

Утренняя работа Лаза заканчивается. Взяв вожжи на себя, Елыгин велит Лазу идти шагом. На сухой породистой голове жеребёнка вздулись вены, пар толчками летит из его тонких ноздрей: нынче рано пришли холода. Елыгин выезжает с дорожки, сдаёт Лаза конюху, напоминает, что нужно поставить лошадь на водилку под тёплой попоной, и, сбросив грязную робу, идёт в свой кабинет отдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.